

3. Бухарова

Новые пути русского искусства

Оригинал здесь -- http://kluev.org.ua/critics/buh_puty.htm

После долгой, нередко унижительной и почти всегда неудачной, погони за чужими и чуждыми течениями -- романтизмом, символизмом, декадентством, футуризмом, искусство наше вернулось к родным источникам и с изумлением вглядывается в знакомую, любимую, памятную, но позабытую в бесплодных исканиях красоту. Ошеломленная невероятно быстрым темпом всего современного строя, ослепленная электричеством и кинематографом, оглушенная граммофоном, задавленная погоней за обогащением и наслаждением, суха стала наша жизнь, бледны и невыразительны встречи, мелки и пошлы чувства. Культ острого, дьявольского индивидуализма -- с одной стороны и скучной, фабричной нивелировки -- с другой, грозил совершенным уничтожением душе русского искусства. Но, пробужденная стихийными событиями -- ценой великой очистительной жертвы крови и слез, припомнила она свою прекрасную, сильную, незапятнанную грязными, чужими руками юность и в благоговейном восторге остановилась пред поруганными, утраченными, внезапно обретенными сокровищами. Пред ней всплыли далекие, далекие дни нашей истории, когда чудо ярким узором вплеталось в действительность, когда из народной среды непрерывно выходили подвижники -- люди воли, неугасимой энергии, непостижимой, внутренней красоты... когда огненные, женские натуры не удовлетворялись узким кругом земных радостей, но утоляли жажду свою неиссякающей влагой любви Христовой... когда труд художника являлся одновременно и монашеским, молитвенным трудом, о чем неопровержимо свидетельствуют древние фрески наших церквей, к счастью, ещё уцелевшие в иных местах от дерзкого разбоя реставрации... Вот к этим дням, гордо отвергнутым близорукою западнической мыслью, жадно припало наше раскаянное искусство, поняв, наконец, что только там, в родной старине, в родном быту, обретет оно свои растерянные творческие возможности, и, захотев живой жизни, обратило зрение и слух к единственным воплощенным остаткам исконной Руси -- к мысли и душе народной, к деревне...

О деревне нашей писали, конечно, и до войны, но подход был тогда совершенно иной. И Чехов, и Бунин, и Зайцев говорили о мужике, но почти всегда с болью, с безнадежностью, едва ли не с отчаянием, отмечая, прежде всего, нравственный упадок крестьянства, рисуя его светлые черты, как нечто исключительное, и, во всяком случае, не считая деревню главным оплотом, главным целительным, сознательным началом грядущей России. Толстой, правда, звал нас всех к единой истине своего Акима, своего Каратаева, но, во-первых, тезисы его, при всей своей гениальности, грешили изрядной наивностью, во-вторых, -- и это главное -- он разъединял своего мужика с Церковью, а вне Церкви, вне православия, по выражению одного из славянофилов, "народ наш -- дрянь", тогда как, по его же словам, "с православием -- он всё". В самом деле, чего стоит наш мужик без Георгия Победоносца, без Феодора Стратилата, без Сергия Радонежского, без Серафима Саровского?! Грязен, безволен, темен, внутренне расшатан, податлив на нелепости всевозможных сект и лжеучений. Тогда как с православием он действительно "всё" и даже больше "всего": он -- святой, смиренный в величии своем мученик-воин, ныне за нас проливающий драгоценную кровь свою...

О такой деревне, о той, которая проявилась в настоящую, небывалую в истории войну, мы не сможем и в искусстве, и в обыденности говорить иначе, как с уважением, с нежностью, с благодарностью.

Внимание наше сейчас нераздельно отдано ей -- ее быту, ее психологии, ее искусству. Кустарное производство, особенно в области художественной, так недавно еще интересовавшее только немногих любителей, захватило себе теперь широкие ряды почитателей и в публике, и в печати; почти ни один концерт истекшего сезона не обходился без сказок, былин, балалаек; с редким сочувствием встречен был петроградскими меломанами композитор-самоучка, крестьянин Данилов, так тщетно стучавшийся до сих пор в сердца и двери своих ученых товарищей по профессии; наконец, в поэзии произведения бытового духа стали на первое место и внесли в наши затхлые журналы обновляющую, свежую струю здоровых, новых и в самой этой новизне всё же старых, родных веяний.

В последнем отношении литературный Петроград был недавно обрадован милым, неожиданным